95

Н. ШУЛЬГОВСКІЙ

Хрустальный отшельникъ

1490/4

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

Народный комиссариат по просвещению.

К-ВО
„АТЛАНТЪ“

Н. ШУЛЬГОВСКІЙ.

111/95

Н. ШУЛЬГОВСКІЙ.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ОТШЕЛЬНИКЪ.

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ.

1790/и

К-во „АТЛАНТЪ“.
1917.

Р. С. Ф. С. Р.
Библиотека
Народного Комиссариата
по просвещению.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№_____ г.
10050

Петроградъ, дозволено военной цензурой 7 Января 1917 г.

Типографія Б. М. Вольфа, В. О., Волховской пер., 4.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ОТШЕЛЬНИКЪ.

Обрывъ пурпурный, шумящій ельникъ
И солнца лучъ!
Въ глуби жъ..... хрустальный спитъ отшельникъ,
Холодный ключъ.

Его чертогъ сребристымъ мохомъ
Кругомъ заросъ,
Не потревоженъ палящимъ вздохомъ
Его морозъ...

Какой кудесникъ подземной силы,
Какой гончаръ,
Лѣпилъ фіалъ нѣмой могилы
И вѣчныхъ чаръ?

И почему при хороводахъ
Звенящихъ дня
Родникъ замкнулся въ нависшихъ сводахъ,
Мечту храня?

И почему такъ странно внятенъ
И близокъ мнѣ,
Среди сверканья червонныхъ пятенъ,
Покой на днѣ?...

ПЛЕВЕЛЫ.

Бѣдные плевелы, плевелы сорные,
Васъ не сожгу я въ огнѣ...
Ваши побѣги и взоры узорные
Радостно дороги мнѣ.

Пусть вы рѣдите красой безполезною
Хлѣба зернистую мощь,
Небо и вамъ улыбается бездною,
Даритъ и солнце, и дождь.

Силы земной тайники заповѣдные
Вашей не знаютъ вины...
Смѣйтесь же, милые, смѣйтесь же, бѣдные,
Пѣснями лѣта полны!

Нивы златоструйной лепетъ ароматный
Проникаетъ тихо въ глубину души.
Сердце золотѣетъ въ ласкѣ благодатной
Напоенной счастьемъ, голубой глуши.

Звѣздные сапфиры глазокъ васильковыхъ
Затаенно смотрятъ снизу на меня,
Пестрые узоры крыльевъ мотыльковыхъ
Подъ лучами рѣютъ, красками звеня...

Словно угадали полдня переливы,
Что раздолью солнца я по дѣтски радъ,
Что истомной дали и колосьямъ нивы,
И журчащей пчелкѣ въ хризолитахъ ивы,
И всему живому я и другъ, и братъ.

ВЪ ЗОЛОТѢ ДНЯ.

Въ бирюзѣ дрожащей моря
Золотится мель.
Надо мной, стѣну узоря,
Разметнулся хмель.

Кинувъ мнѣ на плечи пѣну
Звѣздчатыхъ цѣпей,
Говоритъ—забудь измѣну,
Яркій полдень пей!

Все, что было, отчего ты
Раненъ и зачахъ,
Все—и горе, и заботы
Раствори въ лучахъ!

Посмотри—расшитъ цвѣтами
Радужный откосъ,
Рѣютъ легкими мечтами
Въ немъ рои стрекозъ.

Искролётное мгновенье,
Какъ онѣ, лови,
Юной жизни дерзновенье
Пробуди въ крови.

Видишь,—тамъ въ лазурной нѣгѣ
Веселится мель.
А съ тобой мои побѣги,
Мой весенній хмель!

ВДОХНОВЕНІЕ.

Звуки смутные...—предтечи
Окрылённой, звонной рѣчи...
Чую огненныя встрѣчи
Въ золоченыхъ теремахъ...

Шопотъ лилій, шорохъ крылій...
Превращенье буднихъ былей
Въ безпредѣльный, орлій взмахъ!

Переливъ воскресной вѣсти...
То женихъ грядетъ къ невѣстѣ,
То обнялся съ другомъ другъ...

Безконечное въ единомъ,
Воля въ гыкѣ лебединомъ,
Яроводье вешнимъ льдинамъ,
Солнце, вспыхнувшее вдругъ!

ВЗЛЕТЪ ОРЛА.

Расправилъ крылья орелъ могучій,
Покинулъ скалы, сроднился съ тучей,
Летитъ все выше къ далекимъ звѣздамъ,
Къ алмазнымъ весямъ, къ лучистымъ гнѣздамъ!

Морозъ колючій небесъ преддверья
Туманитъ взоры, сжимаетъ перья,
Но, поборая упорство кручей,
Летитъ побѣдный, летитъ могучій!

Внизу глубоко остались грозы,
Роясь извивомъ глухой угрозы,
А въ вѣчной выси, пути вселенной
Манили молча красой нетлѣнной.

И съ клектомъ счастья пловецъ упорный
Взвился въ восторгѣ звѣздою черной,
Но не обрѣлъ онъ струи воздушной,
И замеръ клекотъ во мглѣ бездушной.

И, задыхаясь, орлинымъ взоромъ
Окинувъ небо съ его узоромъ,
Заледененный судьбою злою,
Онъ палъ на землю нѣмой стрѣлою...

Но были млечной, безсмертной пылью
Его покрыты земныя крылья,
И въ мракѣ ночи два мертвыхъ глаза
Свѣтились тайной небесъ алмаза.

ДАЛИ.

АДАЛЕНИ.

(Кувшинки).

На рѣкѣ, въ глухомъ колѣнѣ,
У дремотнаго куста,
Растворили адалени
Омечтанныя уста...

И застыли въ созерцаньи,
Въ тайну ночи влюблены,
И искрится въ нихъ мерцанье
Звѣздной дрожи и луны.

Взоръ ихъ нѣженъ и безбреженъ
Надъ атласной глубиной,
И далекъ имъ буйный стреженъ
Съ кудреватой быстриной...

Всѣ въ томленьи чаръ и лѣни,
Какъ лампадъ узорныхъ рядъ,
До разсвѣта адалени
Бѣлымъ пламенемъ горятъ...

ВЕЧЕРНІЙ НАПѢВЪ.

Тихій закатъ, улыбнись мнѣ росинками,
Сердце мое успокой!...
Я обернусь золотыми кувшинками
И задремлю надъ рѣкой.

Я распущу плавники изумрудные
Въ гралицѣ пурпурныхъ водъ,
Пѣсни мнѣ донныя, пѣсни причудныя
Хоръ камышей напоетъ.

Робко качая въ дремотѣ таинственной
Хрупкую грёзу свою,
Слитный со всѣми, но вѣчно единственный,
Самъ я въ тотъ мигъ запою.

Миромъ заглушья смирю свою душу я,
Скорбь схоронивши вдали...
Вотъ... засыпаю... и слушаю, слушаю
Скрытую сказку земли.

Я люблю не утро, не вечеръ, не ночь и не день,
Я люблю переходы, полувздохъ, полутѣнь,
Увяданье заката, блѣднолунный отливъ,
Разсвѣтающихъ красокъ на зарѣ переливъ...

Я люблю на грани весны умирающій ледъ,
Передъ лѣтомъ атласность неокрѣпшихъ луговъ,
Въ предосенней печали лебедей перелетъ,
Бѣлополье пушистыхъ, первозимнихъ снѣговъ...

И въ любви дороже мгновеній восторженныхъ нѣгъ
Мнѣ влюбленности первый, легковѣйный побѣгъ,
И въ мечтахъ не кристальность прозвучавшаго „да“,
А порывы, томленья, безъ границъ и слѣда...

НА МОГИЛѢ ПОЭТА.

Я пришелъ на могилу поэта.
Одиноко чернѣлъ его бюстъ.
За плитой предвозвѣстникомъ лѣта
Распустился сиреневый кустъ...

И мнѣ думалось,—этой могилѣ
Дань людская давно отдана,
И, отдавъ её, люди забыли
О тропинкѣ къ обители сна.

Но зато не забыла сырая
О пѣвцѣ вдохновенномъ земля
И послала, любовью сгорая,
Изъ души своей струйку стебля.

И онъ выросъ, и юныя почки
На окрѣпнувшихъ вѣткахъ взошли,
Растворились... и въ каждомъ листочкѣ
Воплотили сказанья земли.

И склонился кустарникъ плечами,
И, прильнувъ ароматами устъ,
Обвѣваетъ нѣмыми рѣчами
Одинокій, заброшенный бюстъ.

ЭЛЕГІЯ.

Я помню, въ прошедшемъ однажды былъ день безы-
Истравный, томительный часъ, [сходный,
Я помню, въ душѣ изнуренной—надежды восходной
Лучокъ безвозвратно погасъ.

Я не былъ одинъ, но бываютъ такія мгновенья
Неправой и странной вражды,
Когда обрываются самыя близкія звенья,
И всѣ остаются чужды,

Когда ни въ одномъ человѣкѣ желанныхъ созвучій
Не въ силахъ для сердца найти,
И только вздымаются черныя, хмарныя тучи
Надъ гребнемъ пустого пути.

Я шелъ одиноко, я шелъ безотчетно, не зная,
Куда, непробудный, приду,
И погибью мысль трепетала, и билась, больная,
Въ морозномъ и жгучемъ бреду.

Въ заглушье пришелъ я, къ обрыву надъ кручей лѣсною,
За нею струились поля,
Далекая овидь дышала закатной волною,
И пурпуромъ рдѣла земля.

А сердце все билось и билось подъ блѣдной рукою,
Взрывая оскомную муть,
И такъ мнѣ хотѣлось въ блаженствѣ нѣмого покоя
Исчезнуть, забыться, уснуть.

Двѣ свѣтлыхъ березы я обнялъ въ отчаяньи остромъ,
Прижался къ ихъ мрамору я,
И свѣтлой любви, какъ у брата къ лелѣющимъ сестрамъ,
Во мнѣ пробѣжала струя...

Сначала такъ робко, потомъ все сильнѣй и сильнѣе
Она проникала въ меня,
И таяли дали, и гасла, спокойно блѣднѣя,
Печаль уходящаго дня.

О тайнахъ земли мнѣ шептали замшѣлые корни,
А щеки голубилъ атласъ,
И на сердцѣ все становилось теплѣй и покорнѣй,
И влагой подернулся глазъ.

Душа расплывалась, сливаяся съ міромъ привѣтно,
Я злобы оковы расторгъ,
Во взглядѣ блаженномъ, въ открытыхъ устахъ, не-
Молитвы родился восторгъ. [замѣтно

О чемъ я молился въ тотъ мигъ, я не помню, не знаю,
Не знаю, о чемъ, и кому,
Но сталъ просвѣтленъ я, и вторила зелень сквозная
Прозрѣнью тогда моему...

А тамъ, въ вышинѣ, въ безмятежно-бездонной купели
Темнѣла вечерняя синь,
И слышалъ я, слышалъ, какъ первыя звѣзды пропѣли
Мнѣ трепетно-тихій аминь...

ОСЕННІЕ АССОНАНСЫ.

Въ осеннихъ блёклыхъ травахъ
Блёстки утренника...
На клумбахъ пестрый трауръ
Георгинъ...
Недвижны дали перламутровыя
Въ глуши равнинъ.

Такъ странно все послушно
Смерти вѣянію...
Молчатъ березъ верхушки
Надъ рѣкой...
Но Кто, какими примиреніями,
Разлилъ покой?...

ЭЛЕГІЯ.

Я все смотрю въ нѣмыя дали,
Гдѣ облака растутъ изъ-подъ земли,
Гдѣ столько тайнъ глаза мои видали
И разгадать ихъ не могли.

Порой душа начнетъ суровѣть,
И гарь тоски нависнетъ надо мной...
Утишитъ все безтрепетная овидь
Своей покойной глубиной...

Стою, въ неё впиваясь въ упоеньи,
А тѣло таетъ, словно ледъ,
И жизни нѣтъ, а есть одно стремленье,
Одинъ восторженный полетъ!

Куда? Къ чему?.. Не знаю... Безъ отвѣта
Влекутъ къ себѣ и манятъ небеса.
Какою ризою одѣта
Ихъ сокровенная краса!

Вонъ тамъ теперь, далеко такъ, далеко
Воздушные вознесены дворцы,
И въ безпредѣльности лазурнаго потока
Колышутся багряные вѣнцы...

А выше, выше, снѣговыя руны
Небесныхъ, веселящихся овецъ...
Какую мощь въ свои вложилъ ты струны
Творившій міръ, Невѣдомый Пѣвецъ!

Уйду ль къ Нему, съ землею примиренный,
Благословивъ ея красу,
Иль свой разладъ тревожнозатаенный
Съ собою въ вѣчность унесу?

Не надо думъ сейчасъ!... Не надо
Къ разгадкамъ путеводнаго огня,
Когда прорывы въ даль одна моя отрада,
Одно спасенье для меня!

Я чахлъ и чуждъ въ людской кремнистой чащѣ,
Иныя веси прозрѣваетъ взоръ,
И отъ нея, усталый и молчащій,
Я ухожу въ глухой просторъ

И все гляжу въ нѣмыя дали,
Гдѣ облака растутъ, растутъ изъ-подъ земли,
Гдѣ столько тайнъ глаза мои видали,
Но разгадать ихъ не могли...

НОЧИ.

ВЪ КУПАЛЬНУЮ НОЧЬ.

Двѣнадцать травъ сбираю въ полѣ,
Живыхъ двѣнадцать травъ.
Исходитъ сердце въ жуткой боли,
Закатъ кровавъ..

Двѣнадцать травъ, дрожа любовью,
Несу черезъ межу,
Двѣнадцать травъ подъ изголовье
Я на ночь положу...

Рои замановъ цвѣтнозвонныхъ,
Веселій и отравъ,
Пошлютъ въ рѣчахъ мнѣ бредосонныхъ
Двѣнадцать травъ...

Двѣнадцать травъ умрутъ зарею,
И будетъ лучъ кровавъ,
И той же болью я покрою
Двѣнадцать мертвыхъ травъ.

NOCTURNE.

Затихла шумная дорога,
Отшельникъ-мѣсяцъ нѣжно-алъ,
И звѣзды, послушницы Бога,
Поютъ полуночный хоралъ.

Я примиренъ... Ушла забота...
Все прощено, забыто зло,
И робкой вѣстью въ сердцѣ что-то,
Какъ звѣздный ландышъ, зацвѣло.

Милый, приди, отдохни ты!
Бѣлая ночь умираетъ.
Видишь, восхода ланиты
Розовой дымкой играютъ...

Сядемъ подъ этой сиренью,
Въ кущѣ синѣющеалой...
Милый, я также усталый,
Такъ же хочу примиренья...

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Сонетъ.

Опалъ ночей на сѣверѣ суровомъ
Дороже мнѣ сапфировъ южныхъ странъ,
Въ немъ скрыта боль какихъ-то чуткихъ ранъ,
Нѣмой тоски въ покоѣ вечеровомъ.

Падетъ заря,—топазовымъ покровомъ
Чертогъ весны до утра разубранъ.
Вдали дрожитъ блѣднѣющій шафранъ
Подъ облакомъ задумчиво багровымъ.

Нѣтъ знойныхъ нѣгъ, и звѣздной нѣтъ красы,
Но кажется въ тѣ смутные часы,
Когда закатъ томится, не сгорая,
У мрамора таинственныхъ перилъ,
Что въ вышинѣ изгнанникъ свѣтлый рая
Свою печаль надъ міромъ растворилъ.

НОЧЬЮ.

Полюбила звѣздочка
Ландыши весенніе,
Покатилась по небу
Нитью серебристою,

На пути разсыпалась
Пылью жемчуговою,
Задрожала въ ландышахъ
Чистыми росинками,

Цѣловала блѣдные,
Улыбалась искрами,
Вся струяся тайнами
Неба свѣтлоокаго...

На зарѣ растаяла,
Истомившись ласками...
Схоронилась подъ землю
Тихими алмазами.

ПОКОЙ.

Въ вечеръ, въ нѣгѣ потонувшій,
Все былое унесло...
Тихо я рукой уснувшей
Опираюсь на весло.

Недвижимо лодка дремлетъ,
Глубь у берега ясна.
Тайнѣ неба строго внемлетъ
Одинокая сосна.

На травѣ застылъ стеклярусъ...
Тишина... Едва дыша,
Розовѣетъ томный парусъ
За каймою камыша...

ПРЕДЪ ЗАРЕЮ.

Сизой дымкой предразсвѣтной
Дышутъ небеса,
Кисеей едва замѣтной
Стелется роса.

За четою темнорунной
Искривленныхъ вербъ
Одиноко таетъ лунный,
Полумертвый серпъ.

Въ вышинѣ послѣдней дрожью
Смотрятъ два глазка.
Первый зыблется надъ рожью
Трепетъ вѣтерка...

СНѢЖНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

ВЕСНА.

Снова холодъ острозубый,
Снова пляска снѣжныхъ звѣздъ,
И опять пушистой шубой
На рѣкѣ закутанъ мостъ.

А вчера воскресшимъ взоромъ
Улыбалась бирюза,
И змѣившимся узоромъ
По стѣнѣ плыла слеза.

Ахъ, Весна еще ребенокъ!
Ей по нраву злой капризъ.
Подъ лохмотьями пеленокъ
Нѣтъ еще зеленыхъ ризъ.

И брюзжитъ ея пѣстунья,
Сѣдокосмая Зима—
Пусть за пологомъ шалунья
Набирается ума.

Пусть красавицей румяной,
Разомлѣвшая въ пуху,
Выйдетъ съ ласкою медвяной
Къ золотому жениху!

А теперь его подруга
До вѣнца не доросла,
Да и самъ женихъ отъ юга
Не прислалъ еще посла.

Но не слушаетъ сѣдую
Неуёмная Весна
И гнѣвясь, и негодуя,
Разрываетъ пологъ сна.

Вотъ вскочила передъ дверью,
Разметала цѣпи льдинъ,
И летятъ повсюду перья
Изъ разодранныхъ перинъ!

Бѣдной нянькѣ жалко пуха.
Мигомъ ринулась сбирать
Съ визгомъ яростнымъ старуха
Мошкары алмазной рать.

А Весна хохочетъ звонко,
На стѣнѣ ломая ледъ,
И куски его въ догонку
Разозленной бабкѣ шлетъ.

И своей довольна шуткой.
Больно месть ея лиха—
За ворчанье бабки жуткой,
За несмѣлость жениха!..

Оттого-то холодъ снова,
Оттого, подъ вихремъ звѣздъ,
Горностайная обнова
На рѣкѣ покрыла мостъ.

СНѢГУРОЧКА.

Д. И. Коковцову.

Таетъ, таетъ моя снѣгурочка,
Я веснѣ не радъ,
Почернѣла шкурочка—
Пуховой нарядъ...

А кругомъ то вьются буйныя
Пѣсни про лучи,
Вспухли рѣки пѣнноструйныя,
И звенятъ ключи.

Плачетъ, плачетъ моя снѣгурочка,
Кроликъ бѣлый мой,
Маленькая дурочка,
Грѣтая зимой...

А надъ ней то птицы вешнія
Рады смерти вьюгъ.
Свисты новые, нездѣшніе
Славятъ яркій югъ.

Шепчетъ, шепчетъ моя снѣгурочка:
Въ сердцѣ гробъ готовь!..
Все чернѣе шкурочка,
Все больнѣй любовь...

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Строга и сумрачна аллея
Нѣмой темницей хвойныхъ стѣнъ.
Лишь на концѣ закатъ, алѣя,
Просвѣтомъ нарушаетъ плѣнъ.

На таломъ снѣгѣ сѣти черни,
Въ вѣтвяхъ набровыхъ полумгла...
За паркомъ медленно къ вечернѣ
Зовутъ въ селѣ колокола...

Все глуше звонъ... все гуще тѣни,
И непонятнѣй, и страннѣй
Узоры дремлющихъ сплетеній
И змѣи скользкія корней.

Сковала сталь покой багровый.
И въ скорби меркнущей тиши
Какъ будто рѣетъ вздохъ суровой
И вглубь замкнувшейся души...

МОРОЗКО.

Л. А. Мгебровой.

Не ходи на поле, дѣтка!
Больно золъ морозъ,
А Морозко, лютый дѣдка,
Бородой заросъ.

Раскидалъ ее по пашнямъ,
Кинулъ по лѣсамъ,
И за ней, готовый къ шашнямъ,
Притаился самъ.

Не смотри, что дѣдка старый,
Любитъ онъ дѣвицъ...
Ой, тряхнетъ дремучей хмарой
Изъ-подъ рукавицъ!

Подкрадется такъ неслышно,
Словно бѣлый котъ,
Бородой своею пышной
Сразу обовьетъ.

Поцѣлуями заманитъ
Въ мглистое дупло,
Приголубится... И станетъ
Вѣтло и тепло.

Разсмѣется дробнымъ смѣхомъ
Старый грѣховодъ,
Заскрипитъ прерывнымъ брехомъ:
Чай, заснула?.. Вотъ!..

Ротъ оскалитъ, страстью дуя,
Ощетинитъ бровь...
Льдомъ затушитъ молодую,
Дѣвью огнекровь.

А вокругъ заноетъ заметь,
Кинувъ снѣжный полкъ.
Подъ твою завоетъ память
Окостѣлый волкъ,

Горько сникнетъ ели вѣтка,
Твой покой храня...
Не ходи на поле, дѣтка,
Слушайся меня!

СОНЕТЪ.

Вадиму Гарднеру.

Какъ счастливъ ты!—Подъ таинствомъ вѣтвей,
Накинувшихъ серебряную схиму,
Ты проведешь безтрепетную зиму,
Мечты полночной вѣщій соловей!

Въ глуши святой душа поетъ живѣй,
Она летитъ навстрѣчу херувиму,
И гдѣ лѣса шумятъ неутомимо,
Не ляжетъ скорбь надъ дугами бровей.

Увидишь ты снѣжинокъ вьюжный танецъ,
Шалуній рой заблещетъ на усахъ,
Покроетъ щеки радостный румянецъ,
А тамъ, вдали, въ закатныхъ полосахъ,
Ему отвѣтитъ тающій багрянецъ
И сложитъ пѣснь о вѣчныхъ чудесахъ.

СОНЕТЪ.

Гдѣ стройною мечтой уходятъ въ небеса
Обвитыя лозами мраморныя арки,
Гдѣ плакала душа влюбленнаго Петрарки,
Сонета родилась чеканная краса.

За прялкою временъ, подъ шелестъ колеса,
Мирьяды паутинъ плели и рвали Парки,
Но жилъ вѣка сонетъ. Задумчивы и жарки,
Звучали страстью въ немъ поэтовъ голоса.

Воздушною струей, дитя безбрежной нѣги,
На сѣверъ донеслось звенящее зерно,
И, давъ живой ростокъ въ алмазно-сонномъ снѣгѣ,
Поетъ подъ свисты вьюгъ и множится оно.
И грустный переливъ полуночныхъ созвучій
Таитъ удары струнъ Италіи пѣвучей.

ЦВѢТЫ ВЕСЕННІЕ.

ВЕСНОЙ.

Сегодня на талой полянѣ
Исхизнулъ послѣдній снѣжокъ,
И лучъ золотой по орани
Зеленое пламя зажегъ.

Деревья въ побѣгахъ веселыхъ,
На яри блеснула соха,
И веселъ въ проснувшихся селахъ
Призывный рожокъ пастуха!

ВЪ ДЕНЬ ПАСХАЛЬНЫЙ.

Я сберу подснѣжники несмѣлые
Въ исхизающемъ, томящемся снѣгу,
Лепестки ихъ шелковисто бѣлые
Я въ пути на сердцѣ сберегу...
На могилку дорогую и завѣтную
Я снесу прозрачность ихъ привѣтную
И шепну—Христосъ Воскресъ...

Ничего не вымолвитъ покровная
Безнадежность намогильнаго креста,
Лишь подснѣжниковъ подъ нимъ любовная
Улыбнется робко чистота...
Но въ какой-то глубинѣ всепримиряющей
Чей-то вздохъ мнѣ скажетъ умиляющій—
Да..... Воистину Воскресъ...

Ландышей, ландышей, ландышей
Снѣжная пѣна въ бокалѣ!
Ландыши, первые ландыши,
Юной весной засверкали.

Ландыши, робкіе ландыши,
Ночью вы сгубите страстью...
Ландыши, милые ландыши,
Гробъ мой на утро украсьте!..

Весенніе, веселые, воздушные цвѣты,
Пушистая, душистая, прозрачная листва,
Любимыя, лукавыя, желанныя черты,
Манящія, бодрящія, безумныя слова!..

Лобзаніе, забвеніе, сліяніе въ одно...
Безбрежные, мятежные, порхающіе сны...
Страданіе, прошедшее, ушедшее на дно...
Звенящее, пьянящее веселіе весны!

СКОРБНАЯ СТРУНА.

RÉSIGNATION.

Сонетъ.

Въ моей душѣ колышется былое,
Какъ плющъ у стѣнъ забытаго дворца,
Какъ ароматъ священнаго алое
Отъ ризы отслужившаго жреца.

Уснуло въ сердцѣ доброе и злое,
Взросли цвѣты для смертнаго вѣнца,
Раскрытъ псалтырь на черномъ аналоѣ,
И замкнутъ взоръ любимаго лица.

Безъ ропота, нѣмой судьбѣ послушный,
Сгубивъ мечты, холодно равнодушный,
Надъ мраморнымъ надгробіемъ стою.

Но если бъ вдругъ упалъ покровъ забвенья,
Я отдалъ бы за прошлаго мгновенье,
За мигъ одинъ, всю будущность мою!

MEMENTO.

Мой старый боръ! Въ дремотѣ вѣщей
Своей судьбы не знаешь ты,
А на стволахъ твоихъ кресты
Бѣлѣютъ мѣткою зловѣщей.

Стремленьемъ жаднымъ человѣка
Давно на смерть обречены
Подъ злой рукою дровосѣка
Твои покорные сыны.

Они падутъ, и порѣдѣетъ
Зеленокудрый твой уборъ,
И искромечущій топоръ
Навѣки чару чащъ развѣетъ.

Какъ ты, живу душой безпеченъ,
Въ покоѣ тихомъ и простомъ,
А, можетъ быть, уже отмѣченъ
И я невидимымъ крестомъ..,

ТРІОЛЕТЪ.

Душистой юности весна,
Какъ скоро ты промчалась мимо,
Видѣнье радостнаго сна,
Душистой юности весна!
Теперь душа моя грустна
И жизни вѣхами томима.
Душистой юности весна,
Какъ скоро ты промчалась мимо

О, жизни рабская стезя!
Отвсюду слышится—нельзя!
У всѣхъ, у всѣхъ, отъ дѣтскихъ лѣтъ
Глушитъ порывы грозный—Нѣтъ!
Гдѣ вольныхъ яркій блескъ очей?
Гдѣ пѣна огненныхъ рѣчей,
И ты, любви святая страсть?
Сильна ханжей тупая власть.
Ты чуешь ихъ дыханья смердь?..
Даетъ свободу только Смерть.
Приди, желанная, приди
И сердце заморозь въ груди!
Оно довольно билось въ ней,
Чѣмъ дольше билось, тѣмъ больнѣй...
Предатель всюду... близокъ онъ.
На немъ покоится законъ.
Межъ ними братскій договоръ.
Замкни уста, отускли взоръ!
Пока ты рабъ, дана тебѣ
Полоска въ жизненной судьбѣ.
Взметни крыломъ, и въ бездну ты
Сорвешься съ гордой высоты.
Коль можешь, такъ ползи, скользя,
Въ ногахъ всемощнаго Нельзя...

О ЛЮБВИ.

ТРІОЛЕТЪ.

Въ разлукѣ чувствую больнѣе,
Какъ я мучительно люблю...
И всю любовь, и все, что съ нею,
Въ разлукѣ чувствую больнѣе...
Беру письмо... дрожу, блѣднѣю,
Твой голосъ между строкъ ловлю...
Въ разлукѣ чувствую больнѣе,
Какъ я мучительно люблю...

Володѣ.

Съ дѣтства грезилъ я о нѣжномъ братѣ,
Съ дѣтства я хранилъ о немъ мечту...
Ты пришелъ, какъ ангелъ изъ небесной рати,
И принесъ съ собою красоту.

Ты открылъ мнѣ тайну поцѣлуя,
Сердце въ лилію дыханьемъ обратилъ.
Какъ въ твоихъ глазахъ люблю я
Отраженіе мерцающихъ свѣтилъ!

Вѣрь, тобой жива моя дорога,
Вмѣстѣ мы стремимся къ рубежу,
И мою любовь я у престола Бога
Высшимъ даромъ жизни положу.

М. Т. Штейнъ.

Опьяняло дыханье сиреней
Тишину задремавшихъ аллей,
Замирали слова увѣреній
Въ убаюканной дымкѣ полей,
И истомныхъ объятій видѣнье
Призывало меня въ полумглѣ...
Для людей это было паденье,
Для меня же все, все на землѣ!

Безъ упрека разрывъ и разлуку
Я простившей душой приняла.
Мнѣ надежда лучистую руку
Обѣщаньемъ однимъ подала.
И смотрѣла открытымъ я взоромъ,
Равнодушна къ жестокой хулѣ...
Для людей это было позоромъ,
Для меня же звѣздой на землѣ!

И когда рокового страданья
Пронеслась надо мною гроза,
И блеснули въ дрожащемъ созданьи
Дорогіе мнѣ вѣчно глаза,
И мой сынъ у груди моей блѣдной
Улыбнулся, какъ лучъ въ хрусталѣ,
У людей... былъ лишь пасынокъ бѣдный,
У меня же... былъ Богъ на землѣ!

ВЪ ВѢЧНОМЪ РИМѢ.

Въ моемъ тріумфѣ багряница
И лавръ украсили меня.
Блистала гордо колесница
Лучами праздничнаго дня.
Толпа моихъ касалась ногъ
Вѣтвями мирта и магнолій...
Какъ царь земли, какъ полубогъ,
Я поднимался въ Капитолій.

Когда же скрылся Аполлонъ
За авентинскими холмами,
И ликъ Діаны въ небосклонъ
Всплывалъ надъ сонными домами,
Тогда отвергнутъ, блѣденъ, слабъ,
Подъ глубиною звѣздныхъ далей,
Какъ осужденный, жалкій рабъ,
Лобзалъ я слѣдъ твоихъ сандалій!..

А. Н. Шульговской.

СИЛУЭТЫ И БАЛЛАДЫ.

ВЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ.

Сегодня бабушка танцуетъ менуэтъ,
Сегодня запоетъ старинная віола.
Далекой Франціи угасшій силуэтъ,
Воскреснувъ, поплыветъ по свѣтлой глади пола.
Monsieur de Chantilly жеманно подойдетъ
Въ затихшей суетѣ къ царицѣ дряхлой бала
И, поднеся цвѣты, съ улыбкою прочтетъ
Пѣвучія слова сѣдого мадригала.
Отвѣтитъ бабушка и станетъ въ пару съ нимъ.
Оркестра наверху польются стройно звуки.
Поклонъ и реверансъ... Движеніемъ однимъ
Сплелись гирляндою морщинистыя руки.

Размѣренно влекутъ и скрипки, и фаготъ
Умчавшихся вѣковъ изящное видѣнье.
Обычаемъ семьи, однажды только въ годъ
Танцуетъ бабушка, справляя день рожденья...
Какъ величавъ овалъ увядшаго чела!
Какъ чопорны чепца малиновыя ленты!
Но вотъ послѣднiй туръ... и сказка уплыла...
Замолкла музыка... Шумятъ аплодисменты.
Стѣснившись у колоннъ, привѣтствуетъ толпа
Подругу вѣрную покойнаго вельможи,
Потомъ дается знакъ, и скоро въ новыхъ па
Забыта старина на лицахъ молодежи...
А бабушка идетъ неслышно на балконъ
И грустно смотритъ вдаль на храмъ среди развалинъ,
Гдѣ сѣрый отъ дождей, обитый купидонъ
Склонился надъ прудомъ, задумчивъ и печаленъ...
Цвѣты въ ея рукѣ туманитъ лунный свѣтъ,
Она цѣлуетъ ихъ, какъ въ дни былыхъ признанiй,
И свѣтляками слезъ дрожитъ ея букетъ,
И дышетъ старый паркъ тоской воспоминанiй...

ТАЙНА.

Старый домъ съ его преданьями
Глухъ дневнымъ лучамъ...
Старый домъ поетъ страданьями
По ночамъ.

Кто-то въ лунный часъ украдкою,
Съ трепетнымъ огнемъ,
Полуночною загадкою
Бродитъ въ немъ...

Смотритъ вдоль половъ невнемлющихъ,
Словно ищетъ кладъ,
И проходитъ сѣни дремлющихъ
Анфиладъ.

На паркетѣ вязью стройною
Вдаль влечетъ узоръ...
Жаждой дико безпокойною
Блещетъ взоръ.

Близко, близко дверь завѣтная!
Отперта она...
А за нею безотвѣтная
Тишина...

Въ глубинѣ недвижной ставнею
Сковано окно...
Все забвенью местью давнею
Отдано.

И молчитъ подъ балдахинами
Брошенный альковъ,
Разотканный паутинами
Пауковъ.

Быстро, быстро приближается
И дрожитъ свѣча,
Кто-то къ полу нагибается,
Хохоча.

Надъ чернѣющими пятнами
Слышенъ плачъ потомъ,
Полузвуками невнятными
Вторитъ домъ...

Кто надъ кровью бдитъ загадкою,
Другъ или палачъ?
Смѣхъ ли въ немъ звучитъ разгадкою,
Или плачъ?

Старый домъ богатъ преданьями,
Но ревнивъ къ ключамъ,
Полный смѣхомъ и рыданьями
По ночамъ.

НА МАСЛЯНИЦѢ.

Ѣдемъ, мчимся въ полѣ снѣжномъ... Рѣжетъ искрами пурга.
Колокольчикомъ мятежнымъ заливается дуга.
Коренникъ, какъ важный баринъ, умѣряетъ рѣзвость ногъ,
Легкомысленъ и угаренъ пристяжныхъ изломный скокъ.
Ближе къ лѣсу... Вотъ задѣли ели свѣсившійся хвостъ,
И покой сѣдой кудели распылился пѣной звѣздъ...
Ослѣпляетъ, колетъ, злится.... Что за радость, что за смѣхъ!
Мигомъ розовыя лица въ побѣлѣвшій прячемъ мѣхъ.
Снова въ полѣ... Вонъ деревни избы ветхія видны.
Ѣдемъ къ бабушкѣ мы древней всей ватагой на блины.

Донеслись лихой стрѣлою... У крыльца въ единый мигъ
На возжахъ рукой тугою окараченъ коренникъ.
Входимъ въ сѣни... ахи, вздохи, поцѣлуи!.. Всѣ кричатъ...
И старушка въ суматохѣ перепутала внучатъ.
— Ну васъ всѣхъ! Плоха я стала на глаза... Да ужъ пора!—
Быстро низенькую залу наполняетъ дѣтвора.
Шумно стулья раздвигаютъ... Вотъ разсѣлся рѣзвый людъ,
И старушка угощаетъ, поднимая крышки съ блюдъ.
Вся волнуясь, вся изъ сказки, вся обломокъ старины,
По прадѣдовской указкѣ испекла она блины.

Ну, блины!.. Хрустятъ и таютъ... Ай-да, бабушка!..—
Мой свѣтъ,
Захвалилъ ты... — долетаетъ голосъ старческій въ
отвѣтъ...

Вечеръ... Свѣчи въ абажурахъ... Шелестъ картъ...
колоды стукъ...
— Быть бабусѣ снова въ дурахъ... — торжествуетъ
шустрый внукъ.
Пальцемъ бабка погрозится, успокоитъ егозу,
И смахнетъ рукой съ рѣсницы набѣжавшую слезу.
Хорошо ей... все родные размѣстилися кругомъ,
Грѣютъ печи расписныя, веселъ жизнью старый домъ...
Кто-то тронулъ клавикорды, и воскресла вдругъ струна,
Чертитъ внукъ смѣшныя морды на испаринѣ окна.
Визгъ при выпадѣ забавномъ, блескъ румянаго лица...
Не пора ли по домамъ намъ?..—голосъ слышится отца.
Ой, еще, еще немного!..—Нѣтъ, ребятушки, пора!
Намъ не близкая дорога... Не доѣдемъ до утра...
Снова въ сѣни... охи, вздохи, поцѣлуи...—всѣ кричатъ,
И, прощаясь, въ суматохѣ, креститъ бабушка внучатъ.

Мчимся впавороть по полю... Успокоилась пурга...
Колокольчикомъ на волѣ заливается дуга.
Всюду искры... въ звѣздахъ иней, и звѣздами дышетъ
лѣсъ,
Надъ вѣтвями блѣдносиній мѣсяцъ смотрится съ
небесъ.
Все быстрѣе скачетъ тройка, мчится легкая, какъ
пухъ.
Рѣжетъ, колетъ холодъ стойкій и захватываетъ духъ...

ТАКЪ БЫЛО...

Въ тихомъ Виѳлеемѣ былъ горбунъ юродъ,
Надъ его уродствомъ тѣшился народъ.
Камнями встрѣчала, злобна и тупа,
Дѣтскій смѣхъ юрода темная толпа.
Сирота безгунный, травленый щенокъ,
Жилъ въ пустомъ онъ хлѣвѣ, нищъ и одинокъ.
Разъ холодной ночью, въ тишинѣ нѣмой
Улицей пустынной шелъ горбунъ домой,
И въ углу у камня вдругъ услышалъ онъ
Чей-то дряхлый голосъ, чей-то слабый стонъ.
Видитъ,—примостились подъ плащомъ однимъ.
Старецъ, ветхій деньми, и юница съ нимъ
И спросилъ юродъ ихъ—почему вы тутъ?
Развѣ не нашелся къ ночи вамъ пріютъ?—
— Мы вездѣ стучались, и вездѣ отказъ...
— Такъ со мной пойдите, я укрою васъ...—
И повелъ убогій, въ простотѣ души,
Путниковъ усталыхъ въ свой вертепъ въ глуши.
Подостлалъ соломы, успокоилъ ихъ,
И заснули гости, и горбунъ затихъ...

Только вдругъ зарѣялъ словно бы разсвѣтъ...
Поднялся убогій, видитъ странный свѣтъ,
Видитъ—въ трепетаньи звѣзднаго луча
Кротко улыбнулся въ ясляхъ Отроча,
И вверху разверзлась дряхлая скала,
И неслась волнами горняя хвала.
Слава въ вышнихъ Богу, и землѣ всей миръ!
Ангеловъ крылатыхъ пѣлъ могучій клиръ,
И видѣньемъ дивнымъ, сѣя благодать,
Надъ Дитятей свѣтлымъ наклонилась Мать.
Въ блескѣ силъ небесныхъ, въ плескѣ райскихъ струнъ,
Задрожалъ отъ счастья загнанный горбунъ
И заплакалъ сладко, позабывъ про то,
Сколько было горя въ жизни прожито...

. . . . . .

Утромъ вышли гости, вышелъ и юродъ,
И опять надъ бѣднымъ тѣшился народъ.
Но, душой взнесенный, онъ роптать не могъ,—
Первымъ зналъ онъ тайну, что родился Богъ...

ВЪ ПУТИ.

Бѣлый мальчикъ шелъ въ Святую землю.
Бѣлый мальчикъ умеръ на дорогѣ.
Я-ль послѣдній вздохъ его пріемлю?
Я-ль поставлю гробъ его на дроги?

Бѣлый мальчикъ несъ въ рукѣ лампаду.
Въ смертный часъ лампада не погасла.
Я-ли въ ней найду себѣ отраду?
Я-ль душистаго прибавлю масла?

Бѣлый мальчикъ не даетъ отвѣта...
Только словно плещутъ гдѣ-то крылья...
А въ лампадѣ меньше, меньше свѣта,
Да пустыня дышетъ знойной пылью...

БАЛЛАДА О БОЛЬНОМЪ ПРИНЦѢ.

В. С. Миролюбову.

Маленькій принцъ былъ съ дѣтства боленъ,
Былъ съ дѣтства боленъ маленькій принцъ.
Онъ росъ отъ Бога обездоленъ,
Маленькій больной принцъ.

Грустно глядѣлъ онъ большими глазами
Въ овалѣ кроткаго лица,
Грустно глядѣлъ онъ большими глазами
На мать и на отца...

Въ замкѣ была высокая башня,
И маленькій больной принцъ
Любовался съ нея на лѣса и пашни,
Любовался маленькій принцъ.

Видѣлъ онъ отцовскія охоты,
Слышалъ, какъ рога звучатъ,
И зналъ, что король съ охоты
Принесетъ живыхъ зайчатъ.

Онъ улыбался и игралъ съ ними
И клалъ ихъ въ постель, шутя,
Онъ улыбался и игралъ съ ними,
Съ дѣтьми больное дитя...

Такъ же любилъ онъ раковинъ шумы
Съ глухого морского дна...
Ему говорили раковинъ шумы
О томъ, что напѣла волна...

Звѣзды любилъ онъ, безмолвныя звѣзды,
Кораллы небесныхъ глубинъ,
И тихо молился, когда поблѣднѣвшія звѣзды
Скрывалъ восходный рубинъ.

Были раскрыты для принца тайны,
Къ которымъ крѣпокъ замокъ,
Что есть на свѣтѣ такія тайны,
Никто и думать не могъ.

Тяжко бывало ему во время пиршествъ,
Во дни знаменитыхъ годинъ,
И послѣ толпы и шумныхъ пиршествъ
Онъ радъ былъ остаться одинъ...

Часто король, опьяненный побѣдой
Въ битвахъ съ лихимъ врагомъ,
Приходилъ къ нему и хвалился побѣдой,
И добычу клалъ кругомъ.

Но, удивленный, не слышалъ привѣтнаго клича
И не могъ понять, почему же принцъ,
Почему такъ плакалъ надъ кровавой добычей
Маленькій больной принцъ...

ПѢСНЯ ТАМПЛІЕРА.

Слышу, слышу, королевичъ,
Слышу твой призывный кличъ!
Надъ своимъ крылатымъ войскомъ
Древній гербъ мой возвеличь!

Вѣрь, вѣрны мои вассалы
И грозны, какъ бурный валъ...
Я недаромъ съ ними въ битвахъ
Вражьей кровью пировалъ.

Тамъ, гдѣ ты, я буду вмѣстѣ,
Рядомъ въ копья вложимъ месть.
Нашихъ подвиговъ на полѣ
Клеветою не заместь.

Мы безбрачны, мы едины...
Въ вихрѣ мчащихся годинъ
Будетъ въ славѣ нераздѣленъ
Твой покорный паладинъ.

Я спѣшу, мой королевичъ!
Мчится конь на трубный кличъ...
Надъ своимъ крылатымъ войскомъ
Сердце друга возвеличь!

БАЛЛАДА.

Н. Б. Хвостову.

— Баронъ, осушилъ я вашъ кубокъ до дна,
Смотрите, вонъ золото чаши...
Но что же за власть этой влагѣ дана,
Что жажду я снова и снова вина,
И кубокъ за кубкомъ все краше?

— Давно распростились вы съ нашей страной,
Сражаясь въ походѣ крестовомъ,
И сокъ искрометный отъ лозы родной
Вамъ призрачно кажется новымъ...

— О, нѣтъ, не забылъ я родныя мѣста,
Невѣста въ разлукѣ со мною,
На битвахъ во славу Святого Креста
Свѣтила мнѣ кротко ея красота,
И жилъ я лишь ею одною...

— Невѣста?... А имя позвольте узнать?...
Мадлена?... Изъ Бѣлаго замка?...
Отецъ ея Генрихъ, Розалія мать
И Жанна, любимая мамка?...

— Да, ближе именъ для меня не найти...
Съ Мадленой живутъ они вмѣстѣ!
Привѣтъ имъ съ Востока спѣшу принести,
И васъ посѣтилъ я на свѣтломъ пути
Къ далекой, любимой невѣстѣ.

Сегодня спѣшилъ до заката я дня
Покинуть владѣнія ваши,
Но тайною силой сковало меня
Вино заколдованной чаши.

— Оно веселѣй, чѣмъ весной карнавалъ!
Предъ цвѣтомъ—ничто багряница!..
О, въ часъ незабвенный я съ нимъ пировалъ...
Мой гость... покажу вамъ теперь я подвалъ,
Гдѣ тайно вино то хранится...

Направо... Сюда... Осторожнѣй, мой гость!
Избила крутыя ступени
Мертвящаго времени ржавая злость
И мшистыя бросила тѣни.

Еще поворотъ... этотъ ходъ, какъ змѣя,
Стремится извивомъ подъ землю.
Немного осталось... Вотъ келья моя,
Гдѣ, скорбный отшельникъ, скрываюся я
И пѣнистый кубокъ подъемлю...

— Баронъ, почему вы теперь въ полумглѣ
Дрожите, какъ въ злой лихорадкѣ?
При факельномъ свѣтѣ на вашемъ челѣ
Какія глубокія складки!

— Ни слова! Вотъ чаша! Налейте въ неё
Скорѣе душистый напитокъ!
Увы! не придетъ мнѣ и съ нимъ забытье...
Я чокаюсь съ вами за горе мое,
За жизни мучительный свитокъ!

Вы правы... Покрыла меня сѣдина,
Морщины лицо исказили,
Такъ знайте-жъ! Мы оба за чашей вина
Стоимъ на сокрытой могилѣ!

— Могила у нашихъ скрывается ногъ?
Простите, повѣрю едва-ли...
Я помню, вашъ путь былъ всегда одинокъ.
Кого схоронить предназначилъ вамъ рокъ
Въ пустынномъ и мрачномъ подвалѣ?

— Я все разскажу, разскажу до конца...
Смотрите, какъ руки трясутся...
О, если бъ вы знали — предъ взоромъ вдовца
Какія видѣнья несутся!

— Вдовца, вы сказали?—Да, въ бѣгѣ годовъ
Никто не доставилъ вамъ вѣсти
О свадьбѣ моей и о томъ, что я вдовъ,
Что мечъ мой всегда къ поединку готовъ
И жаждетъ мучительной мести!

— Баронъ, если нужно отмщенье врагу,
По вашему первому звуку
На помощь всегда принести вамъ могу
Мою закаленную руку.

Зачѣмъ вы смѣетесь такъ странно сейчасъ
И корчитесь, словно отъ муки?
Скажите, неужто обидѣлъ я васъ...
Вы дружбу мою принимали не разъ
На битвахъ до нашей разлуки...

— Молчите, молчите! Я все разскажу!
Вы скоро мой хохотъ поймете.
Къ послѣднему я подошелъ рубежу
И близокъ ужъ вѣчной дремотѣ.

Отъ юности гордый и грозный боецъ,
Не вѣдалъ я страсти на свѣтѣ...
Но въ старости я полюбилъ, какъ юнецъ,
И, сбросивъ гордыни колючій вѣнецъ,
Молилъ о любви и привѣтѣ.

Какъ грѣшникъ у папы, какъ изгнанный рабъ,
Предъ ней я валялся во прахѣ,
Отъ жгучихъ рыданій измученъ и слабъ,
Съ душою въ смятеньи и страхѣ.

Напрасно!... Любви не сошла благодать,
И вѣсти не слышалъ я милой...
Тогда я съ дружиной подкрался, какъ тать,
И то, чего мукой не могъ я достать,
То добылъ я кровью и силой!

Я помню, звенѣли во мракѣ мечи,
И трескъ разносился пищали,
Развалины замка, пылая въ ночи,
Обратный мнѣ путь освѣщали.

Смѣнялась въ дорогѣ зарею заря,
Измучились вѣрные кони.
Я несся, изнывною страстью горя,
И вскорѣ невѣста у ногъ алтаря
Склонилась къ вѣнчальной иконѣ.

Безъ чувствъ отнесли её въ брачный чертогъ...
Его приготовилъ давно я,
Когда упованій душистый ростокъ
Лелѣяло сердце больное.

Они не сбылись, не упала броня.
Жена... и блѣдна, и сурова
До смерти своей отвергала меня
И, огненнымъ взоромъ убійцу кляня,
Со мной не сказала ни слова.

Но разъ я подслушалъ, какъ имя во снѣ
Въ устахъ ея нѣжно струилось...
Она улыбалась ему, а не мнѣ,
И грудь ея радостно билась.

Я зналъ это имя!... На утро жена
Опять оставалась безмолвной,
И снова, какъ раньше, сурово блѣдна,
Въ густой виноградникъ укрылась она,
Лозами налитыми полный.

Я слѣдомъ за ней!... Разодвинулъ листву...
И то же проклятое имя
Услышалъ въ любимыхъ устахъ наяву,
Услышалъ ушами своими!

Какъ въ бурю взъяренный кидается валъ,
Я бросился къ ней и для мщенья
Увлекъ въ этотъ черно-давящій подвалъ,
И грозно одежды съ нея я сорвалъ,
Не зная любви и прощенья...

Но вырвать ни слова не смогъ я тогда.
Безплодны всѣ были попытки!
Холоднымъ презрѣньемъ, молчаньемъ горда,
Она отвѣчала на пытки.

И злоба, и горечь, и совѣсть, и страхъ
Во мнѣ были кровью залиты.
Лишь крикъ мой гремѣлъ, какъ потоки въ горахъ,
И къ ночи я кинулъ истерзанный прахъ
Подъ эти молчащія плиты...

Надъ ними поставилъ я бочки вина
Изъ сока того винограда,
Чьи лозы въ тотъ день лобызала она,
Завѣтному имени рада.

И съ хохотомъ пилъ я вспѣнённую кровь,
Могилѣ творя поруганье,
Но съ каждымъ глоткомъ возрождалась любовь,
И жалкимъ страдальцемъ скитался я вновь,
И хохотъ смѣняло рыданье...

О, рыцарь, душа ея въ это вино
Вселилась загробнымъ упрекомъ,
И мнѣ лишь проклятье навѣкъ суждено
Нещадно карающимъ рокомъ!

— Мнѣ жаль васъ, баронъ, но еще горячѣй
Загубленной жертвы мнѣ жалко.
Невинна она, какъ прозрачный ручей,
И, въ музыкѣ робко влюбленныхъ рѣчей,
Грустна, какъ въ долинѣ фіалка...

Я вѣрю, что духъ ея въ этомъ винѣ
Живетъ надъ могилою спящей,
Но въ сердце должно оно вамъ, а не мнѣ
Стучаться струею кипящей.

Зачѣмъ же меня его пламень увлекъ
Своимъ очарованнымъ ядомъ?
Я страшной судьбѣ его чуждъ и далекъ...
Вы снова мнѣ хохота шлете потокъ
И гнѣвнымъ пронзаете взглядомъ?!...

— Смѣюсь я!... Такъ знайте же вы наконецъ,
Что пали въ развалинахъ замка
Розалія мать ея, Генрихъ отецъ,
И Жанна, любимая мамка!...

Вы мечъ обнажили?... Что жъ!... Намъ суждено
Мадлены упасть къ изголовью!
Я ждалъ васъ упорно, я ждалъ васъ давно!
Смотрите, какъ льется потокомъ вино
И съ нашей мѣшается кровью!...

ИЗЪ «ПѢСЕНЪ О БОЛЬШОМЪ ГОРОДѢ».

Для вѣщихъ душъ унылый городъ
Жестокъ и грубъ.
Его сдавилъ щетинный воротъ
Изъ дымныхъ трубъ.

Въ немъ тухнетъ сердца жгучій пламень,
И мысль больна...
Нога стучитъ о мертвый камень
Глухого дна.

Въ ущельяхъ улицъ клочья неба
Смѣшно чужды,
Среди грызни за корку хлѣба,
Среди вражды.

И на устахъ загнила плѣсень
Тупыхъ рѣчей,
И нѣтъ простора вихрю пѣсень,
И нѣтъ лучей...

ШАРМАНКА.

Стонетъ узкій дворъ шарманкой...
Двѣ дѣвчонки малолѣтки
Манятъ публику приманкой—
Птицей въ клѣткѣ, птицей въ клѣткѣ!

Исхудалыя ручонки
Отворяютъ дверцу клѣтки.
Ой, какъ голодны дѣвчонки,
Двѣ дѣвчонки малолѣтки!

Вертитъ ручкою шарманки
Злой и грязный, пьяный дядя,
Потѣшаются служанки,
На него изъ оконъ глядя.

Вотъ одна пошла „за счастьемъ“
Краснощекая дѣвица...
Смотрятъ всѣ и ждутъ съ участьемъ,
Что ей вынетъ въ клѣткѣ птица.

Розоватая бумажка
Говоритъ судьбы планету...
Ловитъ дядина фуражка
Пятачковую монету.

Двѣ дѣвчонки смотрятъ жадно...
Пятачекъ имъ ой какъ нуженъ!
Можетъ быть въ каморкѣ смрадной
Будетъ что нибудь на ужинъ...

Завтра рано за шарманкой
Снова выйдутъ малолѣтки
Соблазнять людей приманкой—
Птицей въ клѣткѣ... птицей въ клѣткѣ...

Городъ, мучительный скукой тягучею,
Тусклыми взглядами оконъ,
Городъ, задушенный пылью летучею,
Тяжестью дымныхъ волоконъ...

Городъ, не знающій смѣха воздушнаго,
Звона ручьевъ и простора,
Городъ — отецъ лицемѣрья бездушнаго,
Скрытаго маской раздора...

Городъ, гдѣ люди съ зелеными лицами,
Радость забывши румянца,
Вѣчно спѣшатъ и кружатъ вереницами
Въ ужасѣ смертнаго танца...

Среди полей, среди сѣдого лѣса
Я никогда не одинокъ.
О, Боже!—Надо мной бездонная завѣса,
Коверъ душистый для усталыхъ ногъ!
Иду ли я съ невладою и грустью
На сердцѣ, затаившемъ ядъ,—
Малиновки, порхая по надкустью,
Блестящими коринками глядятъ...
Имъ улыбаюсь я улыбкой друга,
Прижавъ къ себѣ пушистую листву,
И душу не томитъ колючая иструга,
И жизнь къ себѣ я радостно зову!
Я не одинъ... Внимаю звукамъ тайнымъ,
Они плывутъ отвсюду въ тишинѣ,
И близокъ я и паголосамъ гайнымъ
И шороху травы въ росистой сѣдинѣ.
А ночью... ночью мѣсяцъ Божій,
Туманный левъ, стожары и овенъ!
И въ тѣ часы попавшійся прохожій
Какъ братъ любимый мной благословенъ.

. . . . . .

Но тамъ, гдѣ города мертвящая твердыня,
Гдѣ, словно муравьи, кругомъ юритъ толпа,
Какая для меня унылая пустыня,
Какая безпросвѣтная тропа!
Чужой всему, одинъ въ своемъ стремленьи,
Какъ одинокимъ можетъ быть поэтъ,
Бѣгу къ себѣ отъ празднаго томленья,
Отъ обыденщины опошленныхъ суетъ.
Но такъ хотѣлось бы мнѣ крикнуть всѣмъ: о, братья!
Взгляните ввысь! Неужто взоръ вашъ пустъ?...
И страшно мнѣ, что каждый мигъ проклятье
Сорваться можетъ съ истомленныхъ устъ!

ПЕНТАМЕТРЫ.

ЭЛЕГІЯ.

Два благородныхъ металла лелѣютъ усталую старость—
Золото въ пѣнѣ листвы, въ тихихъ кудряхъ серебро.
Золото каплетъ съ вѣтвей подъ напѣвы осеннихъ рыданій,
А по веснѣ погляди—снова блеснулъ хризолитъ.
Но на кудряхъ не замѣнитъ ничто снѣгового заката,
Развѣ что саванъ къ нему братскимъ сіяньемъ прильнетъ.

ГНОМА.

Будь остороженъ въ сужденьяхъ своихъ и умомъ безпристрастнымъ
Каждую мысль провѣряй, малой ошибки боясь.
Но осторожнѣе въ сто разъ и въ тысячу будь въ осужденьяхъ,
Лучше же кинь ихъ совсѣмъ, сердцемъ простивши всему.

* * *

Если судьба приготовитъ для жизни тѣсную клѣтку,
Лучше, о, лучше тогда малою птицею быть!
Сможетъ, по крайней мѣрѣ, она полетать хоть немного
Тамъ, гдѣ крыльевъ большихъ даже расправить нельзя...

* * *

Слёзы не только одни бриллiанты, что въ мигъ упоенья,
Точно росинки дрожатъ въ зыбкой оправѣ рѣсницъ.
Слёзы—осколки живые Горючаго, жгучаго камня,
Что, затаенный въ груди, Горя—гранильщика ждетъ.

ТЕРНОВЫЙ ВѢНЕЦЪ.

Терновый вѣнецъ.

Corona spinea.

Вѣнокъ сонетовъ.

Ты создалъ самъ, надменный человѣкъ,
Тѣхъ новыхъ пасынковъ земной юдоли!

Corona spinea.

Былыхъ временъ жестокія страницы,
Вы и теперь еще не сожжены!
Пронесся вихрь взъярившейся войны,
Раскрыли зѣвъ зубастыя бойницы...

И бзарью грохочущей зарницы
Поля въ ночи, какъ днемъ, опалены,
И по утру, въ дыханьи сѣдины,
Дымится кровь, какъ клочья багряницы...

Подъ лязгъ мечей, средь рокотанья грозъ,
Забыты всѣ великіе завѣты...
О, гдѣ же ты, истерзанный Христосъ,
Распятый вновь, пророкъ блаженства, гдѣ Ты?!
Твой ликъ сметенъ кровавою волной
Въ безумьи битвъ, вскормленныхъ Сатаной!

I.

Былыхъ временъ жестокія страницы,
Какъ дикій бредъ, проходятъ предо мной...
Кто стонетъ тамъ за черною стѣной
Подъ пытками въ безволіи темницы?

Монаховъ рядъ... шуршанье власяницы...
Глухой напѣвъ, костра пурпурный зной...
Мгновенный взглядъ измученно-больной
На кре́челѣ позорной колесницы.

Скрываетъ прахъ живую сердца страсть,
Справляетъ пиръ глумящаяся власть...
Что это?—Вздохъ могильнаго преданья?
Обросшій мхомъ обломокъ старины?
О нѣтъ, о нѣтъ! Орудія страданья,
Вы и теперь еще не сожжены!

II.

Вы и теперь еще не сожжены,
Вы только скрыты ханжеской личиной.
Попробуй мысль свободною пучиной
Вскипѣть надъ тиной тусклой тишины,—

Подымутъ шипъ бездарности сыны,
Возросшіе въ размѣренности чинной,
Ихъ взоръ дымится чахлою лучиной,
Они—слѣпцы для солнечной волны.

Живи, какъ всѣ!—ихъ твердый символъ вѣры,
Огонь исканій—праздныя химеры,
Границы жизни каждому даны...
Къ чему вздувать замершій пепелъ тлѣнья?..
И вдругъ среди истравнаго томленья
Пронесся вихрь взъярившейся войны...

III.

Пронесся вихрь взъярившейся войны,
И всколыхнулась дремлющая тина,
Оборвалась сѣдая паутина
На сумракѣ заплеснѣвшей стѣны.

И были всѣ грозой потрясены,
И всѣхъ поила горькая братина,
Несла тугу разверстая плотина
Изъ края въ край мятущейся страны.

Глаза въ слезахъ... покинутыя руки...
Послѣднiй взглядъ и вѣчной страхъ разлуки...
Прощай... пиши... Въ крутящейся пыли
Идутъ на смерть зеленыя станицы...
Возврата нѣтъ. Свершилось... И вдали
Раскрыли зѣвъ зубастыя бойницы...

IV.

Раскрыли зѣвъ зубастыя бойницы
И брызнули каскадами свинца,
И смертниковъ стремятся безъ конца
Навстрѣчу имъ живыя вереницы...

Блестятъ огнемъ отверстыя зѣницы,
И ужасомъ надломлены сердца...
Кто схватитъ вѣтвь побѣднаго вѣнца?
Кому грозитъ морозный мракъ гробницы?

Безстрастный рокъ отвѣтитъ на вопросъ...
О, труповъ холмъ, весь день ты росъ и росъ,
А все еще полны пороховницы,
Подъ пѣной звѣздъ и блѣдною луной,
Встревоженною дымной пеленой
И озарью грохочущей зарницы.

V.

И ѡзарью грохочущей зарницы
Побѣждена клубящаяся мгла,
Бѣлѣютъ въ ней поникшія тѣла
Зловѣщей вѣхой боевой границы...

Зачѣмъ серпомъ неутомимой жницы,
Старуха Смерть, ты путь свой провела,
Раба гордынь Левіаѳана зла,
Владыка слезъ, мученій и больницы!

Не можетъ быть, чтобъ ты была одна,
Тобою рать на помощь призвана
Колючихъ вѣдьмъ, безкрылыхъ и шипящихъ...
Ползутъ онѣ, тупы и голодны,
И взоромъ ихъ надъ миромъ смертноспящихъ
Поля въ ночи, какъ днемъ, опалены..

VI.

Поля въ ночи, какъ днемъ, опалены
Огнемъ вражды, кощунственно-мятежнымъ,
На днѣ глухомъ, подъ таинствомъ безбрежнымъ
Воздушныхъ струй въ покровѣ тишины...

А тамъ, въ выси, какія глубины
Нѣмыхъ свѣтилъ, въ мерцаньи грустнонѣжномъ,
Какимъ проникновеньемъ зарубежнымъ
Лучистые пути напоены!

О, люди, какъ вы можете страданья
И смерть нести для братскаго созданья,
Когда для васъ дары красотъ даны,
Всегда, вездѣ,—и въ маревѣ закатовъ,
И въ пляскѣ волнъ, и въ ласкѣ ароматовъ,
И по утру, въ дыханьи сѣдины...

VII.

И по утру, въ дыханьи сѣдины,
Сливаясь съ ней неясностью сплетеній,
Встаютъ съ земли встревоженныя тѣни,
Какъ мутный всплескъ дыбящейся волны.

Дрожатъ онѣ, безуміемъ полны,
Въ неутолимомъ заревѣ смятеній,
И, словно листья вырванныхъ растеній,
Онѣ слабы, и блеклы, и больны...

Онѣ кружатъ невѣдомымъ обрядомъ...
Тѣла ихъ здѣсь, тѣла поникли рядомъ,
Родныя имъ, но чуждыя тѣла,
Навѣкъ, навѣкъ! Проклятый часъ денницы,
Въ твоихъ лучахъ, у чернаго жерла
Дымится кровь, какъ клочья багряницы.

VIII.

Дымится кровь, какъ клочья багряницы,
И розово теченіе рѣки...
Со всѣхъ сторонъ на смрадные куски
Слетаются чернѣющія птицы...

А призраковъ блѣднѣютъ вереницы,
Все болѣе отъ жизни далеки,
Какъ ладана сѣдые завитки
Надъ пепломъ разрушаемой божницы.

Враги вчера, они друзья теперь,
Одна для всѣхъ отверста въ небо дверь,
И вопль идетъ—отдай намъ плоть, верни намъ
Её, о, ты, Коварный Вождь Угрозъ!
Зачѣмъ мы шли по роковымъ стремнинамъ,
Подъ лязгъ мечей, средь рокотанья грозъ?!

IX.

Подъ лязгъ мечей, средь рокотанья грозъ.
Несетъ ударъ врагу случайный ворогъ,
А каждый былъ кому-нибудь да дорогъ,
И каждый въ ласкѣ материнской росъ!

Но что теперь сіянье вѣщихъ грёзъ!
Сердца слѣпитъ рожденный властью морокъ,
И только глазъ орудій гнѣвнозорокъ,
Да мѣдныхъ нѣдръ воспламененъ морозъ.

О, гнусный пиръ творцовъ кровавой славы,
Въ твоемъ винѣ, въ потокѣ красной лавы,
Погибло все, что создали вѣка,
Къ чему влекли пророки и поэты!
Въ единый мигъ подъ остріемъ штыка
Забыты всѣ великіе завѣты.

X.

Забыты всѣ великіе завѣты,
И зовъ любви убійствами попранъ,
Прощенья нѣтъ въ рукѣ возставшихъ странъ,
И подвиги отмщенія воспѣты.

Но не для нихъ мои звучатъ сонеты,
Мнѣ дикъ боевъ сверкающій буранъ,
Онъ вспыхнетъ тамъ, а здѣсь—безкрылье ранъ.
А здѣсь растутъ повсюду лазареты.

Ползутъ ряды изломанныхъ калѣкъ
По улицамъ, тускнѣющимъ отъ боли...
Ты создалъ самъ, надменный человѣкъ,
Тѣхъ новыхъ пасынковъ земной юдоли!
Смотрю на нихъ... а мысли жжетъ вопросъ:
О, гдѣ же ты, истерзанный Христосъ?!

XI.

О, гдѣ же ты, истерзанный Христосъ?—
Кричитъ душа, въ безсильи слезъ сгорая,
Зачѣмъ, зачѣмъ хрустальный отблескъ рая
Во мглу земли ты радостно принесъ?

Къ чему для насъ дыханье горнихъ розъ,
Прозрачный вздохъ цвѣтовъ иного края?..
Мы топчемъ ихъ, бездушьемъ попирая,
Мы всѣ враги, и всѣ идемъ вразбросъ...

Мы ханжески наречены Твоими,
Но какъ чужды Твоей любви слова!
Уста Твое лелѣютъ праздно имя,
А сердцу ближе злобный Егова.
Оно узко для Твоего Завѣта...
Распятый вновь, пророкъ блаженства, гдѣ Ты?!.

XII.

Распятый вновь, пророкъ блаженства, гдѣ Ты?..
Приди, вернись, сойди съ вершинъ креста,
Да будемъ мы любовію Христа,
Заблудшіе, навѣки обогрѣты!

Да вознесемъ нетлѣнные обѣты,
Воспламенивъ увядшія уста,
И наша жизнь, восторженно-проста,
Да узритъ впредь безбурные разсвѣты!

И Ты придешь, о, радость Красоты,
Ты воскресишь потухшія мечты
Въ поруганно-забитомъ человѣкѣ,
Пославъ лучи душѣ его больной...
Вернешься ты, вернешься!—Не навѣки
Твой ликъ сметенъ кровавою волной.

XIII.

Твой ликъ сметенъ кровавою волной,
Но есть еще свѣтильникъ затаенный,
Гдѣ огонекъ не гаснетъ благовонный,
Таинственной хранимый глубиной.

И власти нѣтъ, и мощи нѣтъ земной
Задмить его рукою распаленной,
Надъ нимъ мудрецъ склоняется влюбленный
И пламени поддерживаетъ зной...

Онъ смотритъ вдаль проникновеннымъ окомъ
Въ своемъ пути смѣшномъ и одинокомъ
Среди толпы, тупой и мелочной,
И видитъ онъ, что злобѣ есть предѣлы,
Что силы ложь не всѣми овладѣла
Въ безумьи битвъ, вскормленныхъ Сатаной...

XIV.

Въ безумьи битвъ, вскормленныхъ Сатаной,
Созрѣло ты, зерно грядущей воли,
Когда земля опомнится отъ боли,
Порвавъ союзъ съ нещадной стариной.

Я чую день—могучей бороной
Для братскихъ нивъ взрыхлятъ подъ солнцемъ поле,
И гимнъ любви, о радости глаголя,
Польется ввысь немолкнущей струной!

И сломятъ мечъ воспрявшіе потомки,
И погребутъ кровавые обломки
Подъ вѣчностью давящихъ пирамидъ.
И навсегда въ безмолвіи гробницы
Могильный мраморъ васъ заледенитъ,
Былыхъ временъ жестокія страницы!

Іюль 1915 г.

ОБЪ ОСОБЕННЫХЪ СЛОВАХЪ ЭТОГО СБОРНИКА.

Объ особенныхъ словахъ этого сборника.

Поэзіи свойственно создавать новыя слова, и не могутъ служить упрекомъ для поэта его исканія въ этой области. Но удаются такія попытки очень рѣдко. За небольшими исключеніями, слова не создаются, а изобрѣтаются и носятъ въ себѣ оттѣнокъ этой изобрѣтенности, искусственности, вымученности и пряности. Повтореніе такого, кѣмъ либо изобрѣтеннаго, слова является уже чистымъ подражаніемъ, ибо оно свойственно лишь одному, изобрѣвшему его поэту и слишкомъ вычурно для того, чтобы войти въ обиходъ и поэтической, и разговорной рѣчи. А между тѣмъ существуетъ и живетъ въ живомъ русскомъ языкѣ громадное количество красочныхъ, поразительныхъ по красотѣ словъ, которыхъ образованный слой народа даже и не знаетъ, даже и не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи, довольствуясь зачастую дико звучащими, благодаря своей звуковой исковерканности на русскій ладъ, иностранными выраженіями, въ поэтическомъ языкѣ уже совершенно неумѣстными. Недоставало многихъ словъ и мнѣ, но я чувствовалъ, что въ такомъ богатѣйшемъ языкѣ, какъ русскій, должны существовать слова для обозначенія образовъ, понятій и явленій, для названія которыхъ мы довольствуемся звуками чужихъ языковъ. Развѣ не должно было жить чисто русское слово для обозначенія горизонта? Развѣ можно было допустить, что нѣтъ слова для отраженія солнечнаго или луннаго луча въ водѣ? Послѣдняго слова мы и совсѣмъ не имѣли. И вотъ, изучая все болѣе

и болѣе подлинный русскій языкъ, я нашелъ прекрасныя, образныя слова для всего того, чего мнѣ не хватало, и что такъ жаждалось пріобрѣсти. Они есть, эти удивительныя слова, и цѣнность ихъ въ томъ, что безъ опасности упрека въ подражаніи, ихъ могутъ вводить въ свой поэтическій языкъ всѣ, ибо они живутъ въ подлинной народной рѣчи. Ну кто станетъ употреблять, не говоря уже о стихѣ, но даже и въ обыкновенномъ разговорѣ, слово горизонтъ, для русскаго уха довольно неуклюжее и даже смѣшноватое, когда есть русское слово ȍвидь, такое яркое, сразу, посредствомъ корня видѣть и округляющей буквы о, вводящее въ суть образа! Или развѣ не прекрасно для обозначенія переливающагося въ водѣ солнечнаго или луннаго луча, слово гра̀лица, гдѣ слышится въ звукахъ игра, переливъ? А невла̀да, для того душевнаго состоянія, когда тяжело на сердцѣ, когда все валится изъ рукъ и ничѣмъ не владѣешь, иструга, когда все въ душѣ какъ бы выстругано острымъ или тупымъ ножомъ, или прилагательное истра̀вный, для обозначенія подобнаго же разлада, гдѣ все живое вытравлено, отравлено, истравлено? А слово адалѐнь для лилій, ненюфаровъ, яровȍдье для весенняго разлива, ȍзарь для внезапнаго освѣщенія, ȍтгулье, па̀голосъ для эхо, исхиза̀ть для тающаго снѣга,— глаголъ, самими своими звуками рождающій образъ чего-то тающаго, умирающаго? Но развѣ можно все перечислить? Для разныхъ состояній волны, напримѣръ, имѣются десятки разнообразныхъ словъ, колышень, плескȕнъ, бѣлоголȍвецъ, кудрявка и т. д. Здѣсь прямо неисчерпаемое богатство народнаго языка, но, къ сожалѣнію, мы такъ небрежно относимся къ нему. Хотя въ стихахъ этого сборника

„новыя“ слова проведены такъ, что сразу становится яснымъ то, что они обозначаютъ, тѣмъ не менѣе я привожу толковый перечень этихъ словъ, ибо они должны по своей красотѣ войти и въ поэтическую, и въ разговорную рѣчь.

Адалѐнь, одалѐнь, ôдалень, купальница, купавка,—водяная лилія, на глубинѣ и по омутамъ. Цвѣта бѣлаго, желтаго, пестроалаго.

Безгу̀нный, безгунникъ,—нагой бѣднякъ, голышъ, не имѣющій даже гуны, гуни, т. е. ветхой одежды, рубища.

Впа̀вороть—обратно, отъ слова па̀вороть, обратный путь.

Вѣтлый, вѣтля̀ный,—привѣтливый, ласковый.

Гай,—дубрава, роща, чернолѣсье, небольшой лиственный лѣсъ, особенно въ низменныхъ мѣстахъ, на лугахъ.

Га̀йный,—лѣсной, отъ гая.

Гра̀лица,—отраженіе въ водѣ солнечнаго или луннаго свѣта столбомъ.

Гыкъ,—звукъ, издаваемый лебедями.

Заглу̀шье,—глухое мѣсто.

Задмѝть,—затушить огонь, свѣчу, лучину.

Зама̀нъ, пома̀на, пома̀нка,—отъ манить, слово колдовского, волшебнаго характера.

За̀метъ, замету̀ха, за̀метель, замётъ,—метель снизу, когда выпавшій раньше сухой снѣгъ мететъ вѣтромъ по низу.

Истра̀вный, отъ истра̀вы,—изводъ, порча, сначала матеріально, какъ потрава, послѣ переносно.

Истру̀га,—безпокойство, острая душевная боль.

Исхиза̀ть,—таять, чахнуть.

Крѐчелъ,—катафалкъ.

Марево,—миражъ.

Морокъ,—навожденіе, гипнозъ.

Набровый,—нависшій мрачно.

Надкустье,—мѣсто надъ кустами: по надкустью пташка летала.

Невлада,—состояніе безсильнаго, кому никто или ничто не повинуется.

Овидь,—горизонтъ.

Озарь,—внезапное освѣщеніе зарницей или молніе

Окарачить, окарачивать, — осадить коня такъ, чтобы подогнулись заднія ноги.

Орань,—нива, пашня, что орется, пашется.

Оскомный, отъ оскомы, — скорбный, тоскливый, томительный.

Паголосъ, отбой, отголосокъ, отголосье, вторье, отгулъ, отгулье, зыкъ, пазыкъ, паголосье, паголосъ, зыка, рай,—эхо.

Погибь,—бѣда, напасть.

Стожары,—созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Стрѣженъ, стрежень, стрежъ, стрежа, стрежнякъ, стрежнякъ, стремя,—середина и самая глубина, быстрое теченіе рѣки, нерѣдко подходящее къ крутому берегу, русло, фарватеръ, быстрина потока, стремнина.

Туга,—горе, тоска, кручина.

Хмара,—темное облако, туча, навожденіе.

Хмарный,—сумрачный, пасмурный.

Юрить,—кишѣть; юритъ муравейникъ.

Яроводье, половодье, весноводье,—весенній разливъ.

Ярь,—яровое поле.

СОДЕРЖАНІЕ.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ОТШЕЛЬНИКЪ. Стр.

Обрывъ пурпурный 7
Плевелы 8
Нивы златоструйной 9
Въ золотѣ дня 10
Вдохновеніе 12
Взлётъ орла 13

ДАЛИ.

Вдалени 17
Вечерній напѣвъ 18
Я люблю не утро, не вечеръ 19
На могилѣ поэта 20
Элегія 21
Осенніе ассонансы 23
Элегія 24

НОЧИ.

Въ купальную ночь 29
Nocturne 30
Милый, приди, отдохни ты 31
Бѣлая ночь 32
Ночью 33
Покой 34
Предъ зарею 35

СНѢЖНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Весна 39
Снѣгурочка 41
Зимняя элегія 42
Морозко 43
Сонетъ 45
Сонетъ 46

ЦВѢТЫ ВЕСЕННІЕ.

Весной 49
Въ день пасхальный 50
Ландышей, ландышей, ландышей 51
Весенніе, веселые 52

СКОРБНАЯ СТРУНА.

Résignation 55
Memento 56
Тріолетъ 57
О, жизни рабская стезя 58

О ЛЮБВИ.

Тріолетъ 61
Съ дѣтства грезилъ. 62
Опьяняло дыханье сиреней 63
Въ вѣчномъ Римѣ 64

СИЛУЭТЫ И БАЛЛАДЫ.

Въ двадцатыхъ годахъ 67
Тайна 69
На масляницѣ 71
Такъ было 73
Въ пути 75
Баллада о больномъ принцѣ 76
Пѣсня Тампліера 78
Баллада 79

ИЗЪ „ПѢСЕНЪ О БОЛЬШОМЪ ГОРОДѢ".

Для вѣщихъ душъ унылый городъ 89
Шарманка 90
Городъ, мучительный скукой тягучею. 92
Среди полей, среди сѣдого лѣса 93

ПЕНТАМЕТРЫ.

Элегія 97
Гнома 97
Если судьба приготовитъ 98
Слезы 98

ТЕРНОВЫЙ ВѢНЕЦЪ—CORONA SPINEA.

Вѣнокъ сонетовъ 101

ОБЪ ОСОБЕННЫХЪ СЛОВАХЪ ЭТОГО СБОРНИКА . 111

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ТЕРНОВЫЙ ВѢНЕЦЪ.—CORONA SPINEA.

Вѣнокъ сонетовъ. Птг. 1916. Ц. 30 к.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА ПОЭТИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА.

Техническія начала стихосложенія. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. СПБ. 1914. Ц. 3 руб.

ЛУЧИ И ГРЁЗЫ.

Стихи, поэмы и миніатюры. К-во «Атлантъ». СПБ. 1912. Ц. 2 руб.

АЗА.

Историческая и религіозно-философская драма изъ жизни Александріи V в. по Р. Х. Къ представленію на сценѣ драмат. цензурой запрещена. СПБ. 1910. Ц. 1 руб.

КРУЖОКЪ ФИЛОСОФІИ ПРАВА ПРИ СПБ. УНИВЕРСИТЕТѢ.

Изд. кн. склада «Право». СПБ. 1910. Ц. 50 к.

ИДЕАЛЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ПОВЕДЕНІЯ.

Правнополитическое изслѣдованіе. СПБ. 1907. Ц. 30 к.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ.

Соціологическій очеркъ. СПБ. 1906. Ц. 30 к.

Продается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Готовится къ печати:

«ДУШИ СТРАДАВШІЯ».

Разсказы.

Цѣна 2 р. 35 к.

Складъ изданія:

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ.

Гостиный дв., 18. Невскій пр., 13.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА:
Кузнецкій мостъ, 12. Тверская, 22.